

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2025.32.82.024

Распад метанарративов: культурная память в эпоху «текущей современности»

Алексина Дарья Александровна

Заместитель декана факультета культуры по воспитательной работе,
преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью
Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов,
192238, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15;
e-mail: dariaalexina3@gmail.com

Ильинская Елизавета Александровна

Доктор культурологии, доцент,
профессор кафедры социально-культурных технологий,
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
192238, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15;
e-mail: lizapost@mail.ru

Абдулина Дания Андреевна

Студент,
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
192238, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15;
e-mail: abdulina.dania@yandex.ru

Аннотация

Исследование посвящено анализу распада целостных исторических метанарративов и становлению новых форм культурной памяти, где мемы выступают в качестве ключевого примера такой специфической формы. Этот процесс исследуется в контексте цифровой трансформации. Актуальность работы обусловлена усилением значения исторических нарративов в современном информационном пространстве и необходимостью осмысления трансформации социокультурных практик работы с прошлым. Основное внимание уделяется выявлению и системному описанию трех доминирующих стратегий конструирования памяти: фрагментации, цифровой аутентичности и геймификации. Методологическую основу составляет синтез теории культурной памяти Я. Ассмана и М. Хальбвакса с инструментарием критического дискурс-анализа. Результаты исследования свидетельствуют о доминировании стратегии фрагментации, проявляющейся в замещении целостных исторических нарративов мозаикой мемов и микроконтента. Этот процесс анализируется как следствие трансформации социальной активности, которая, утрачивая традиционные институциональные формы, находит выражение в цифровых практиках, что ведет к ослаблению роли институциональных хранителей памяти и усилению влияния сетевых сообществ.

Для цитирования в научных исследованиях

Алексина Д.А., Ильинская Е.А., Абдулина Д.А. Распад метанарративов: культурная память в эпоху «текущей современности» // Культура и цивилизация. 2025. Том 15. № 11А. С. 206-213. DOI: 10.34670/AR.2025.32.82.024

Ключевые слова

Культурная память, текущая современность, исторические нарративы, мемы, цифровая культура, социальная активность.

Введение

Современный этап общественного развития, характеризуемый З. Бауманом как «текущая современность» [Бауман, 2008, 25], демонстрирует переход от устойчивых социальных структур к состоянию перманентной изменчивости. Глобализация и цифровизация инициируют глубинные преобразования в сфере культурной памяти. Если в предшествующие исторические периоды формирование культурной памяти осуществлялось преимущественно централизованно через деятельность государственных и общественных институтов, то сегодня этот процесс приобретает выраженный полицентричный характер, перемещаясь в цифровое пространство.

Ключевым агентом трансформации становится социально активный индивид, чья деятельность по осмыслению и репрезентации прошлого, ранее направляемая и ограничиваемая институтами, теперь реализуется непосредственно в коммуникативных практиках цифровых платформ. В этом контексте исследование изменения социальной активности личности в сфере конструирования прошлого и ее культурных последствий представляется особенно значимым для теории и истории культуры.

Теоретические основания исследования культурной памяти

Концептуальный аппарат исследования культурной памяти сформировался благодаря работам Я. Ассмана [Ассман, 2004, 48-52] и

М. Хальбвакса [Хальбвакс, 2007, 112-115], которые рассматривали память как коллективный феномен, выполняющий идентификационную функцию для социальных групп. Важным представляется предложенное Ассманом разграничение между коммуникативной памятью, ограниченной непосредственным опытом нескольких поколений, и культурной памятью, обеспечивающей трансляцию смыслов на протяжении длительных исторических периодов посредством формализованных практик и медиа [Ассман, 2004, с. 50].

Существенный вклад в развитие теории внес М. Хальбвакс [Хальбвакс, 2007, 75-80], обосновавший социальную природу памяти. Именно в социальных рамках, согласно его концепции, разворачивается активность по конструированию и поддержанию общей картины мира, где память выступает не пассивным хранилищем, а продуктом постоянной коллективной деятельности [Ильинская, Алексина, 2024, 195]. В современных условиях, «имманентный статус активности личности в динамике культуры претерпевает изменения: социальная активность, направленная на работу с прошлым, становится более индивидуализированной, спонтанной и опосредованной цифровыми технологиями» [Алексина, 2024, 84].

Концепция «текучей современности» З. Баумана [Бауман, 2008, 33-40] описывает социальный контекст, в котором разворачиваются исследуемые процессы. Исчезновение стабильных социальных институтов, временных ориентиров и устойчивых идентичностей придает памяти свойства «текучести» – подвижности, фрагментированности и подверженности постоянной ревизии. Цифровая среда, как показано в работах М. Кастельса [Кастельс, 2000, 301-305] о «сетевом обществе», выступает катализатором и усилителем указанных тенденций, что перекликается с более ранними идеями М. Маклюэна [Маклюэн, 2007] о медиа как внешних расширениях человека, определяющих характер социальной организации и восприятия.

Постановка проблемы

Проблема исследования заключается в выявлении противоречия между традиционными теоретическими моделями культурной памяти, характеризующими ее как устойчивый долговременный конструкт [Ассман, 2004, 89; Хальбвакс, 2007, 75], и ее современным состоянием, отличающимся нестабильностью, множественностью конкурирующих версий и высокой скоростью циркуляции. Классическая дихотомия «коммуникативная / культурная память» подвергается эрозии: в современных условиях культурная память все чаще функционирует по законам коммуникативной, приобретая характеристики кратковременности, ситуативности и зависимости от актуального медийного контекста [Ассман, 2004, 95]. Это стирание границ свидетельствует о фундаментальном сдвиге в характере социальной активности, связанной с памятью: из долгосрочной, ритуализированной и институционально закрепленной она превращается в импровизационную, перформативную и осуществляемую в реальном времени множеством акторов [Хальбвакс, 2007, 155].

Центральный исследовательский вопрос формулируется следующим образом: каким образом в условиях «текучей современности» и цифровой среды осуществляется конструирование культурной памяти и какую роль в этом процессе играет трансформированная социальная активность, находящая выражение в специфических культурных формах, таких как мемы?

Методологический аппарат

Исследование базируется на междисциплинарном подходе, синтезирующем методы теории культуры, социальной философии и коммуникологии. Основным методом выступил критический дискурс-анализ, позволяющий выявить идеологические и властные аспекты, имплицитно присутствующие в репрезентациях прошлого. Метод применялся для анализа способов конструирования определенных версий истории через языковые средства и визуальные образы, механизмов маркировки «своих» и «чужих», формирования отношений легитимности и стигматизации. В процессе анализа особое внимание уделялось выявлению стратегий натурализации исторических конструктов.

Дополнительно использовался компаративный анализ кейсов из современной медиасреды, включающий изучение вирусных кампаний, мемов, проектов цифровых архивов и исторических компьютерных игр. Его применение потребовало учета специфики «языка новых медиа» [Манович, 2018], в частности, таких принципов как модульность и автоматизация. Вспомогательную роль выполнял концептуальный анализ, направленный на операционализацию ключевых понятий исследования.

Эмпирическую базу составили материалы социальных сетей (ВКонтакте, Telegram, TikTok), цифровые коллекции (Проект «Прожито») и медиатексты, вовлеченные в дискурсивную борьбу вокруг памяти о значимых событиях XX – начала XXI веков. Отбор материала осуществлялся по критерию репрезентативности и виральной распространенности.

Результаты исследования

Проведенный анализ позволил идентифицировать три доминирующие стратегии конструирования культурной памяти в цифровой среде.

1. Стратегия фрагментации: декомпозиция нарратива.

Традиционная стратегия управления памятью через изменение способов репрезентации прошлого утрачивает эффективность [Ассман, 2004, 101]. Ей на смену приходит стратегия фрагментации, основанная на производстве и распространении дискретных, эмоционально заряженных единиц – мемов.

Меметизация истории приводит к редукции сложных событий до формата лаконичного изображения с текстом. Эта практика находит свое теоретическое осмысление в концепции Ф. Джеймсона [Джеймсон, 2019], описывающего эстетику постмодернизма как утрату историзма, фрагментацию и замену глубины поверхностной игрой образов. С культурологической точки зрения, мем является не просто продуктом, но и актом социальной активности [Алексина, 2024, 85]. Его создание, отбор и виральное распространение – это формы коллективного участия в процессе осмысления прошлого, пусть и редуцированного. Например, многомерные события Второй мировой войны репрезентируются через цитаты из кинематографических произведений, коллажи с участием исторических персон, наделенных современными атрибутами.

Платформы типа TikTok инсталлируют формат сверхкороткого видео, что провоцирует подмену исторической рефлексии демонстрацией «шокирующих фактов». Подобный контент обладает значительным виральным потенциалом, но не способен транслировать историческую сложность, генерируя «клиповое» восприятие прошлого.

Алгоритмы социальных сетей, поставляющие пользователю контент в соответствии с его предпочтениями, интенсифицируют фрагментацию. Различные группы пользователей формируют изолированные «мозаики» памяти, что способствует радикализации общества и блокирует диалог между носителями альтернативных исторических картин.

Мем как культурный код обладает несколькими фундаментальными характеристиками:

- способность к свертке смысла - радикальная редукция многомерного исторического события до универсальной формулы;
- функция маркера групповой идентичности - использование определенного круга мемов служит социальным маркером принадлежности к сообществу;
- амбивалентность и полисемия - внутренняя смысловая нестабильность позволяет быстро перекодировать смыслы;
- риторика анахронизма - сознательное использование анахронизмов создает эффект «присвоения» прошлого.

2. Стратегия «цифровой аутентичности»: производство доверия.

В условиях кризиса доверия к официальным дискурсам эффективной становится стратегия, нацеленная на генерацию эффекта «аутентичности». Демонстративный отказ от профессионального качества визуального контента создает эффект «естественности». Видеоматериалы, снятые на мобильные устройства, текстовые сообщения с элементами

разговорной речи воспринимаются аудиторией как более «достоверные» по сравнению с продукцией официальных медиа.

Цифровизация личных свидетельств - писем, дневников, семейных фотографий - пробуждает живой отклик, апеллируя к индивидуальному опыту и чувству сопричастности. Публикация подобных артефактов в социальных сетях представляет собой одновременно акт памяти и ее конструирования, инкорпорации частной истории в публичный нарратив.

3. Стратегия геймификации: управление через опыт.

Геймификация исторического нарратива трансформирует потребление истории в интерактивный практикум. Исторические компьютерные игры предлагают пользователю активное «проживание» прошлого через принятие решений, однако эти решения детерминированы логикой игрового движка.

Интерактивные платформы и квесты трансформируют изучение прошлого в развлекательную практику, что соответствует тренду на «экономику впечатлений» [Пайн, Гилмор, 2011, 88]. Несмотря на повышение вовлеченности, подобный подход приводит к коммодификации памяти, нивелированию ее сложности, что является частным проявлением более общих тенденций «третьей волны» [Тоффлер, 2010, 43], стирающей границы между производством, потреблением и досугом.

Использование игровых механик в образовательных курсах формирует инструментальное отношение к истории, когда учащийся ориентирован на достижение игровых показателей, а не на глубокое понимание исторических процессов.

Перспективы исследования

Современная теория коммуникации испытывает необходимость в концептуальном обновлении. Классические модели демонстрируют недостаточную эффективность для анализа динамики смыслопроизводства в условиях глобальных трансформаций.

Наиболее перспективными представляются следующие исследовательские направления: анализ алгоритмического управления памятью; исследование роли искусственного интеллекта в производстве исторического контента; сравнительные кросскультурные исследования мнемонических стратегий.

Интеграция теории культурной памяти с социологией коммуникации позволяет преодолеть ограничения анализа поверхностных медиаэффектов и выявить глубинные тенденции развития общества.

Заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать: глубинная трансформация коммуникативных практик, связанных с культурной памятью, делает неизбежным пересмотр устоявшихся научных и социальных парадигм. Монологические стратегии, традиционно опиравшиеся на авторитет институтов, утрачивают свою эффективность, уступая место сетевым, технологически опосредованным формам взаимодействия. В результате поле культурной памяти превращается в гибридное пространство, где борьба разворачивается уже не между интерпретациями исторических фактов, а между альтернативными коммуникационными режимами и культурными кодами, среди которых центральное место занимают мемы.

Именно это гибридное пространство становится основной ареной для современной социальной активности, связанной с прошлым. Создание мемов, комментирование

исторического контента, участие в виртуальных сообществах – эти практики превращаются в ключевой ресурс конструирования культурной памяти, отодвигая на периферию пассивное усвоение готовых нарративов. В свете выявленных тенденций становится очевидной насущная потребность в развитии критической медиаграмотности, создании этических регуляторов для производителей исторического контента и выработке моделей публичной истории, способных сочетать научную добросовестность с коммуникационной эффективностью.

Библиография

1. Алексина Д.А. Имманентный статус активности личности в динамике культуры // Культура и цивилизация. 2024. Том 14. № 11А. С. 81-88.
2. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 363 с.
3. Бауман З. Текучая современность / З. Бауман ; пер. с англ. С. А. Комарова ; под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 238 с.
4. Джеймсон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / Ф. Джеймсон ; пер. с англ. Д. Кралечкина ; под науч. ред. А. Олейникова. – 2-е изд., испр. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. – 799 с.
5. Ильинская Е.А., Алексина Д.А. Философские парадигмы социальной активности личности // Культура и цивилизация. 2024. Том 14. № 9А. С. 193-199.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
7. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн ; пер. с англ. В. Г. Николаева. – 2-е изд. – М.: Гиперборей ; Кучково поле, 2007. – 462 с.
8. Манович Л. Язык новых медиа / Л. Манович ; пер. Д. Кульчицкой. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 399 с.
9. Пайн Б. Д., Гилмор Дж. Х. Экономика впечатлений: работа – это театр, а каждый бизнес – сцена / Б. Д. Пайн, Дж. Х. Гилмор ; пер. с англ. Н. А. Ливинской. – М.: Сбербанк, 2011. – 329 с.
10. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер ; пер. с англ. К. Ю. Бурмистрова [и др.]. – М.: АСТ, 2010. – 795 с.
11. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр., вступ. ст. С. Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 343 с.

The Collapse of Metanarratives: Cultural Memory in the Era of “Liquid Modernity”

Dar'ya A. Aleksina

Deputy Dean of the Faculty of Culture for Educational Work,
Lecturer of the Department of Advertising and Public Relations,
Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences,
192238, 15, Fuchika str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: dariaalexina3@gmail.com

Elizaveta A. Il'inskaya

Doctor of Cultural Studies, Associate Professor,
Professor of the Department of Social and Cultural Technologies,
Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences,
192238, 15, Fuchika str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: lizapost@mail.ru

Daniya A. Abdulina

Student,

Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences,
192238, 15, Fuchika str., Saint Petersburg, Russian Federation;

e-mail: abdulina.dania@yandex.ru

Abstract

The study is devoted to the analysis of the collapse of holistic historical metanarratives and the emergence of new forms of cultural memory, where memes serve as a key example of such a specific form. This process is investigated in the context of digital transformation. The relevance of the work is determined by the increasing significance of historical narratives in the contemporary information space and the need to comprehend the transformation of socio-cultural practices of working with the past. The main focus is on identifying and systematically describing three dominant strategies for constructing memory: fragmentation, digital authenticity, and gamification. The methodological basis is a synthesis of the theory of cultural memory by J. Assmann and M. Halbwachs with the tools of critical discourse analysis. The results of the study indicate the dominance of the fragmentation strategy, manifested in the replacement of holistic historical narratives with a mosaic of memes and micro-content. This process is analyzed as a consequence of the transformation of social activity which, losing traditional institutional forms, finds expression in digital practices, leading to a weakening of the role of institutional custodians of memory and a strengthening of the influence of network communities.

For citation

Aleksina D.A., Il'inskaya E.A., Abdulina D.A. (2025) Raspad metanarrativov: kul'turnaya pamyat' v epokhu «tekuchey sovremennosti» [The Collapse of Metanarratives: Cultural Memory in the Era of "Liquid Modernity"]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 15 (11A), pp. 206-213. DOI: 10.34670/AR.2025.32.82.024

Keywords

Cultural memory, liquid modernity, historical narratives, memes, digital culture, social activity.

References

1. Aleksina, D.A. (2024). Immanentnyy status aktivnosti lichnosti v dinamike kul'tury [The Immanent Status of Personal Activity in the Dynamics of Culture]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 14(11A), 81–88. (In Russ.).
2. Assmann, J. (2004). Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural Memory: Writing, Remembrance, and Political Identity in High Cultures of Antiquity]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russ.).
3. Bauman, Z. (2008). Tekuchaya sovremennost' [Liquid Modernity]. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.).
4. Jameson, F. (2019). Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma [Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism] (2nd ed.). Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara. (In Russ.).
5. Il'inskaya, E.A., & Aleksina, D.A. (2024). Filosofskie paradigmy sotsial'noy aktivnosti lichnosti [Philosophical Paradigms of Personal Social Activity]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 14(9A), 193–199. (In Russ.).
6. Castells, M. (2000). Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow: GU VShE. (In Russ.).
7. McLuhan, M. (2007). Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka [Understanding Media: The Extensions of Man] (2nd ed.). Moscow: Giperboreya, Kuchkovo pole. (In Russ.).
8. Manovich, L. (2018). Yazyk novykh media [The Language of New Media]. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.).

-
9. Pine, B.J., II, & Gilmore, J.H. (2011). *Ekonomika vpechatleniy: rabota – eto teatr, a kazhdyy biznes – stsena* [The Experience Economy: Work Is Theatre & Every Business a Stage]. Moscow: Sberbank. (In Russ.).
  10. Toffler, A. (2010). *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Moscow: AST. (In Russ.).
  11. Halbwachs, M. (2007). *Sotsial'nye ramki pamyati* [The Social Frameworks of Memory]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.).